И. Ф. ОКСИЮК

ПЕРВЫЕ СТОЛЕТИЯ ХРИСТИАНСТВА НА РУСИ И ЛАТИНСКИЙ ЗАПАД

Приближается великий, торжественный праздник Русской Православной Церкви. В 1988 году святая Мать наша готовится благоговейно праздновать тысячелетие Крещения Руси при великом равноапостольном князе Владимире, т. е. тысячелетие своего исторического бытия. По этому поводу в католических, а особенно в униатских кругах наблюдаются оживленные, хотя и ни чем не оправданные старания доказывать преимущественное участие латинского Запада в принесении на Русь христианства.

Издавна на православном Востоке и на латинском Западе общепринятым было утверждение, что христианство на Руси было принято и распространялось из православной Византии. Об иных влияниях или «христианских началах», будто бы поступавших на Русь от христианского Запада, как теперь усиленно твердят в кругах «Украинской Католической Церкви за границей», раньше не говорили. Отдельные попытки в этом направлении обычно встречали авторитетные возражения и забывались. Так было, например, когда Николай Коробка в статье «К вопросу об источнике русского христианства» («Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук», 1906, т. XI, кн. 2) пытался доказать, что Киевская Русь приняла христианскую веру не из Византии, а с Запада, именно от западных норманнов, которые были, мол, в близких отношениях с князем Владимиром. Взгляд Н. Коробки, ученого исследователя истории Киевской Руси, привлек к себе широкое внимание. Академик А. И. Соболевский в статье, посвященной гипотезе Н. Коробки о крещении Руси западными норманнами («Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук», 1906, т. XI, кн. 4), решительно отклонил попытку автора как совсем чуждую исторической науке, необоснованную и ошибочную.

«В X веке Византия вовсе не была в упадке. Напротив, это была одна из эпох византийского расцвета и возрождения. И более того, в X веке Византия была, строго говоря, единственной страной, подлинно культурной во всем европейском мире» [1]. Поэтому к Византии обращала свои взоры Киевская Русь.

Что же говорили о происхождении христианства на Руси католические и униатские историки? Немецкий католический церковный историк, доктор богословия и философии Й. Маркс в своем капитальном учебнике церковной истории, похвально принятом с большой благодарностью Ватиканом, отмечал: «В 862 г. в объединенном норманном Рюриком

государстве руссов проповедовали христианство византийские миссионеры. Успех был незначителен, пока в 957 г. не крестилась великая княгиня Ольга (Елена), хотя сын ее Святослав оставался еще язычником. Внук ее Владимир († 1015), женатый на греческой царевне Анне, в 988 г. последовал примеру Ольги († 969). Весьма скоро тогда обратился весь народ. Митрополией государства стал Киев (1035 г.)»[2].

Польский историк Брестской церковной унии, католический епископ Эдвард Ликовский подчеркивает: «По примеру большей части славянских народов и Русь приняла свет христианской веры с Востока в конце X века. Великий князь Владимир, вместе с боярами и всем народом, принял крещение от константинопольского духовенства в 988 году. С принятием крещения от греков приняла Русь также греческий обряд богослужения на славянском языке, а также иерархично она зависела от Константинополя»[3].

А вот еще один, можно сказать, современный свидетель и несомненный авторитет в униатских кругах — ревностный греко-католик, верный слуга митрополита Андрея Шептицкого священник высшего ранга о. Петр Вергун, командированный в Германию во время войны «для пастырского попечения» о галичанах, вывезенных туда на работу. В статье, напечатанной в сборнике к 500-летию Флорентийской унии, он писал: «Христианство, уже в III столетии пускавшее корни на Украине, только в 988 г. стало, благодаря равноапостольному князю Владимиру Великому, государственной религией. Хотя христианство принималось из Византии (Константинополя), распространялось оно благодаря болгарам, которые уже имели богослужебные книги на старославянском или староболгарском языке, почему он и поныне остался богослужебным языком для 150 миллионов верующих в восточнославянских и южнославянских странах. Митрополией стал Киев. Константинополь назначал для этой земли греческих митрополитов и епископов. Таким образом, украинская Церковь пребывала (с короткими перерывами) в полной зависимости от Византии. Вследствие этого несчастное разделение Церквей 1054 года постепенно распространилось и на Русь».

Как видим, католические и униатские авторы, говоря о происхождении христианства на Руси, совсем не вспоминают никаких «начал», которые будто бы должны были приходить с латинского Запада. В действительности Русь никогда не отгораживалась стеной от Запада, когда, приняв христианство из Византии, держалась веры и церковных обрядов греческих.

В сознание христиан Киевской Руси, очевидно, не без надлежащих оснований, глубоко вошло древнее церковно-летописное предание о том, что первым проповедником Христова Евангелия в Скифии, как греки называли весь юг нашей страны и в X в., был святой апостол Андрей Первозванный. Повод для этого дал древнейший церковный историк епископ Евсевий Кесарийский († 340), а его сведения повторил святой Епифаний Кипрский (IV в.). Вообще, христианские писатели III—V вв. — Тертуллиан († 240), св. Афанасий Александрийский († 373), св. Иоанн Златоуст († 405), блаж. Иероним († 420) — считают Скифию краем, где христианство уже было известно. По словам блаженного Иеронима, «холода Скифии пылают жаром веры»[5].

Действительно, проповедь христианской веры начала проникать к

восточным славянам очень рано, в частности, к тиверцам и уличам, которые в III ст. расселились в задунайской Нижней Мизии; христианство там было известно уже во II веке. В этой «Малой Скифии», в городе Томи во второй половине III ст. существовала епископская кафедра. Недалеко от устья Днестра находилась тогда греческая христианская колония Тира и другие поселения. В годы правления императора Юстиниана (527—565) уличи и тиверцы постоянно общаются с Византией, да и поляне, хотя и не были непосредственными соседями греков, имели с ними весьма тесные сношения, а император Константин Багрянородный сообщает, что «в его время (912—959) на нижнем Днестре видны были развалины шести городов, где сохранились остатки разрушенных церквей и выбитые на камнях кресты».

Должного внимания заслуживает также известие патриарха Фотия (дважды был на кафедре: 858—867 и 878—886). В Окружном послании 866 года о значительных успехах распространения христианства из Византии среди руссов он пишет: «Не только тот народ (болгары) переменил давнее нечестие на веру в Христа, но и народ, многими часто понимаемый и славимый, — я говорю о руссах, которые, подчинив соседние народы, возгордились и, высоко возмнивши о себе, подняли оружие на Римскую державу (Византию). Теперь и они сами переменили языческое суеверие на чистую и непорочную христианскую веру и ведут себя по отношению к нам почтительно и дружественно, а незадолго перед тем беспокоили нас своими набегами и совершили большое преступление».

Когда после убийства императора Михаила III, действительно негодного, папе Николаю I удалось добиться заточения патриарха Фотия в монастыре и поставления на патриарший престол своего сторонника Игнатия, отличного монаха, но далеко не отличного патриарха, он послал на Русь митрополита. Об этом, по словам «Продолжателя Феофана», впоследствии сообщает Константин Багрянородный, повествуя про своего деда императора Василия I Македонянина.

Это дало повод некоторым католическим авторам, старающимся обосновать мнимое подчинение Руси власти римского епископа, представить этот факт как «первое обращение русских в христианство» и делать из этого заключение о первенстве католической Церкви в проповеди христианской веры в нашей стране. Отправление патриархом Игнатием на Русь митрополита датируется 874 годом, а патриарх Фотий уже в 867 г. уведомляет о значительных успехах посланного им епископа греческой Церкви.

Внимательное и беспристрастное исследование события того времени дает историкам основание полагать, что во время поездки святых славянских учителей к хазарам они проповедовали Христову веру в районах Хазарии, заселенных славянами.

Мы знаем теперь, что эта малая Русская Церковь, состоявшая, быть может, из двухсот семейств, крещенных на юге Руси в 861 г. нашими святыми первоучителями Кириллом и, вероятно, Мефодием, заботами патриарха Фотия была создана митрополитом миссионером Михаилом... Поэтому традиционное возглашение в наших храмах на литии имен русских учителей и святителей — Михаила, Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ермогена... вполне обоснованно[6].

В IX—X вв., когда, вследствие исчезновения в европейском мире давних родовых отношений и установления феодального порядка, христианская вера распространялась преимущественно из двух выдающихся центров: византийский Восток несет евангельское благовестие болгарам, сербам, славянам Паннонии, Моравии и Киевской Руси, то есть южным, западным и восточным славянам, а латинский Запад, в тесном союзе с германскими императорами и феодалами, делал это для населения Средней Европы.

Принесенное из Византии первоначальное христианство не исчезло и после того, когда в Киев пришел из Новгорода князь Олег. Приблизительно во второй половине IX ст., или в начале X ст., христианская Церковь на Руси Киевской уже имела некоторое устроение: в каталоге императора Льва VI (885—912) она, как митрополия Константинопольского патриарха, считалась на 61-м месте, а несколько позже, в перечне императора Константина Багрянородного, русская митрополия была записана 60-й[7].

В X ст. различные источники дают немало свидетельств о значительном распространении христианства, особенно в Киеве, в дружине князя Игоря и высших слоях народа. В Киеве существует уже христианская община, имевшая свою «соборную» церковь святого пророка Илии. В результате широкой проповеди Евангелия, вероятно, именно в Киеве крестилась в 50-х годах X ст. вдова князя Игоря, великая княгиня Ольга. Об этом выдающемся событии нашей церковной истории красноречиво говорит император Константин VII Багрянородный. Он, подробно описывая пребывание княгини Ольги в 957 году в Константинополе, церемонии, а также приемы ее в императорском дворце, совсем не вспоминает о крещении княгини Ольги. Если бы оно произошло в Константинополе, император несомненно использовал бы этот факт, чтобы возвеличить авторитет столицы Византии.

Следует отметить, что западная Церковь в «Священной Римской империи немецкого народа» в это время находилась с государством в такой же связи, в какой византийские василевсы находились с Церковью своей империи. Когда папа Иоанн XII (956—963), отбиваясь от феодалов своей области, призвал на помощь себе императора Оттона I, то это впоследствии обратилось тем, что папский престол почти на 150 лет попал в полную зависимость от германских императоров[8].

Как же этот латинский Запад в действительности относился к святому делу распространения христианства на Руси? Проповедь Христова Евангелия пришла в Рим с Востока. Само Евангелие было написано на языке греческом, до IV ст. весьма распространенном на римском христианском Западе. И богослужебным языком там, наверно, продолжительное время сперва был язык греческий. И первые богословские сочинения на Западе были написаны на языке греческом и на основании источников греческих. «Что Римская школа сперва так мало проявляла своеобразия, этому не следует удивляться, потому что древние римляне выступают, в сравнении с древними греками, едва ли в лучшем свете. Это сознавал уже Вергилий, приказывая римлянам «помнить, что науками для Рима было — властвовать над иными народами»[9]. И про христианский Рим аббат Л. Дюшен пишет: «Рим — место правления, а не отеческого богословия или рая мистики»[10].

Каким же было отношение римского Запада к распространению христианства в древней Киевской Руси? Имеются основания утверждать, что до того времени, когда христианство начинало постепенно проникать и закрепляться на Руси, христианский Запад, перенявший традиции древнего Рима, уже усвоил основные идеи верховной власти римского епископа над всем миром. Император Карл Великий, отдаляя Запад от духовного авторитета Византии, через Аахенский собор 809 года изменил догмат Вселенской Церкви об исхождении Духа Святого от Отца, прибавивши в Символе веры слово «Филиокве» («и от Сына»). Папа Николай I (858—867) уже открыто заявляет стремление утвердить господство власти римского епископа над всеми государствами и над всеми христианскими Церквами.

В истории этих притязаний печальным фактом было появление в середине IX в. так называемых «Лжеисидоровых декреталий». Выдуманные документы II—IV вв. были так искусно подделаны, что только в XVI в. были окончательно изобличены как таковые, которых в мире не было никогда. А долгие столетия они утверждали, будто епископ римский является верховным главой всей Церкви, законодателем, высшим судьей, что он единый верховный епископ христианского мира. Однако после основания Священной Римской империи в 962 г. в Римской Церкви 150 лет на громаднейших пространствах Западной Европы господствовала власть правителей германских государств, а у них всегда можно было видеть за плечами западных миссионеров.

Со второй половины IX в. Рим заявляет требование осуществлять свои влияния в Болгарии, Сербии, Моравии и Богемии, открыто выступает против приобретений Восточной Церкви в этих странах, против славянской литургии и богослужебных обрядов, утвержденных там святыми братьями Кириллом и Мефодием. Как известно, одним из способов распространения власти Римской Церкви в мире была унификация языка церковного богослужения в ней, требование совершать его только на языке латинском. Уже святому Мефодию пришлось много выстрадать от Рима и немецкого духовенства за совершение церковного богослужения на славянском языке. Однако и немецко-католическим победителям только после многолетней борьбы удалось заменить славянское богослужение и обряды во всех странах, где проповедовали святые Кирилл и Мефодий, — латинским.

В 924 г. папа Иоанн X по поводу церковного специального собора в Сплите (Далмация) категорически требовал совсем не пользоваться славянскими богослужебными книгами. В конце концов Западная Церковь закрепилась на землях поляков, чехов и хорватов, а греко-византийское Православие утвердилось в Болгарии и Сербии. Именно из Болгарии уже с IX ст. проникали на Русь христианские влияния, «распространявшиеся на Руси в связи с постоянными экономическими и культурными отношениями, сближавшими славянские народы между собой»[11]. В частности, о болгаро-русском христианском единении свидетельствует и булла папы Иоанна XIII (967 г.) Болеславу Чешскому об утверждении пражского епископства при церкви св. Витта и монастыря бенедектинок при церкви св. Георгия. Папа особенно подчеркивает, что богослужение там должно совершаться «ни в коем случае не по обряду болгарского народа, или русского, а в соответствии с

апостольскими папскими постановлениями и декретами... клириком, хорошо обученным латинскому языку»[12]. Как видим, булла выразительно, хотя и недружественно, свидетельствует о существовании христианства на Руси еще до князя Владимира. С другой стороны видно, что для борьбы с наследием святых Кирилла и Мефодия на чешско-моравских землях Риму приходилось дополнительно обращаться к новым средствам.

Ученики славянских первоучителей разошлись, спасаясь от преследований, по соседним славянским землям, в частности и на Русь. Христианство в Киеве при их помощи было уже так утверждено, что выдержало и натиск языческой реакции, вызванной приходом в Киев в 862 году Олега с варяжской дружиной. Некоторые католические авторы бездоказательно приписывают олеговым варягам содействие христианству на Руси. Однако они, не будучи христианами, могли только задержать на некоторое время рост Христовой Церкви на Руси. Это произошло в середине X ст., несомненно вследствие непосредственных влияний Византии и миссионеров соседней славянской Болгарии.

Как свидетельствуют русские летописи, в середине X века в Киеве христиане уже имели церковь св. пророка Илии, в которой христианские участники договора с Византией присягали верно его соблюдать, а князь Игорь и другие послы приносили свою присягу на холме, где стоял идол Перуна.

Широкая и богатая, просторная и могучая Русь издавна была предметом пристального внимания римских епископов, которые усвоили себе обязанность и право возглавлять всю христианскую Церковь в мире. Это внимание руководства немецко-латинского Запада к Руси особенно усилилось в X ст., когда в Киевской Руси византийско-славянское христианство было уже хорошо известно.

Император Оттон I, в тесном союзе с римской курией, укрепив свою власть завоеванием земель и насильственным обращением полабских и прибалтийских славян в христианство, основанием новых епархий и архиепископства в Магдебурге, решил распространить свои влияния на Русь. Около 960 г. с этой целью он собирался послать на Русь миссию, но монах Либуций, который должен был возглавить ее, умер. Новый руководитель миссии, из монастыря св. Максимилиана в Лотарингии, Адальберт в 961 г. с титулом «епископа русского» прибыл во главе миссии в Киев, как представитель Оттона I и папы Иоанна XII.

Хорошо уже ознакомленные со славянским христианством, киевляне вскоре поняли, о какой христианизации говорит посланный к ним «епископ русский» Адальберт. Да и поведение прибывших с ним «миссионеров» вызвало у киевлян такое негодование, что Адальберт поспешно убрался прочь из Киевской Руси.

Продолжатель аббата Регинона, автора немецкой «Хроники», доведенной до 906 г., как полагают, сам Адальберт — неудачный «епископ русский», под 959 г. записал, что к императору Оттону I прибыли послы от Елены (именно так называли в западных летописях русскую княгиню Ольгу) с просьбой дать для народа их епископа и священников. Тут же автор записи отмечает, что «это прошение, как потом выяснилось, было «фиктивным». А в другой летописи решительно утверждается, что «они (послы) все врали, как показало дальнейшее течение дела».

Русская и византийская летописи о подобном посольстве княгини Ольги к Оттону I совсем не говорят, а западные повторяют в различных редакциях это, пусть вымышленное, прошение к Оттону прислать на Русь «католического» епископа и священников, но никто не объясняет причин возмущения киевлян посещением Адальберта. В связи с этим даже выражалось мнение, что запись о прибытии послов княгини Ольги к Оттону I сделал сам Адальберт с тем, чтобы как-нибудь оправдать неудачу своей миссии в Киеве.

Исчерпывающее объяснение западных сообщений о миссии Адальберта дается в речи Высокопреосвященного митрополита Киевского и Галицкого Филарета после вручения ему диплома доктора богословия богословского факультета Яна Гуса: «...в окружении княгини Ольги были варяги-христиане, чьи родственники находились в Западной Европе и приняли христианство от духовенства латинского, от Римского патриархата. Там мечтали, чтобы Киевская Русь приняла крещение от западных миссионеров. А княгиня Ольга старалась породниться с византийским двором и принять веру от Константинополя. Не все были с этим согласны. Соединенные родственными связями с Западом, они решили пригласить в Киев западных миссионеров и епископов. Тогда княгиня Ольга должна будет согласиться со случившимся фактом. Используя торговые связи с Западной Европой, варяги создали план пригласить латинских миссионеров как будто бы по прямому поручению княгини Ольги. Русские летописи молчат об этой выдумке, а западные говорят» [13].

После неудачного миссионерства поставленного по приказу Оттона I «епископа русского» Адальберта на христианском Западе внимание к Киевской Руси и желание закрепиться на ней в Риме не прекращаются. В 979 г. в Киеве появляются послы из Рима от папы Бенедикта V. Об этом кратко сообщает только Никоновская летопись: «Того ж лета (979) приходили послы к Ярополку из Рима от папы» [14]. Святослав, отправляясь в 970 г. из Киева в походы, оставил в Киеве своего старшего сына Ярополка. Древлянскую землю поручил другому сыну — Олегу, а третьего — Владимира послал в Новгород.

Римское посольство прибыло в Киев тогда, когда Ярополк сел на киевском «столе», как победитель в борьбе с братьями за власть на Руси: Олег в бою был убит, а Владимир, избегая такой участи для себя, поехал «за море» нанять вспомогательный отряд варягов.

На основании упомянутого короткого сообщения Никоновской летописи, что, кстати, не находит подтверждения в других источниках, некоторые католические и прокатолические, а за ними и униатские авторы напрасно силятся построить версию о первоначальном принесении христианской веры на Русь латинскими миссионерами. Как на аргумент за мнимое подчинение христианской Руси Западу иногда ссылаются еще на западное свидетельство о присутствии среди многих разных делегаций посольства из Руси у императора Оттона I в его Кведлинбургской резиденции в рождественские праздники 973 года. Однако в этом сообщении нет ни слова о делах церковных, поэтому делать заключение о распространении христианской веры на Руси с Запада нет оснований [15].

Напрасным осталось и посещение римскими послами Ярополка. Ему,

кстати, приходилось добывать победу над братьями с помощью польского князя Мечислава (Мешка), который именно в годы борьбы сыновей Святослава за киевский «стол» принял из Рима христианство и, возможно, старался ускорить обращение к Риму и своего соседа-союзника, Ярополка. Мешко мог и посредничать в отправлении из Рима миссии на Русь. Однако снова повторилась, вероятно, неудача миссии Адальберта. Союз князя Ярополка с чужинцами, которые не умели, да и не находили нужным считаться с местными условиями, вызвал в народе недовольство против князя и его союзников. Владимир вернулся в Новгород и подошел к Киеву. Он правильнее оценил реальную обстановку и овладел столицей Руси. О судьбе этой первой миссии непосредственно из Рима на Русь никаких сведений нет, однако Рим не прекращал попыток распространить свое влияние на Русь.

Овладев Киевом, Владимир совершил несколько походов, чтобы расширить границы Киевского государства, присоединив к составу его ряд неславянских соседних племен. Это побуждало мудрого князя дать своей великой и разнообразной державе такую религию, которая сделала бы Киевскую Русь единой и сильной. С этой целью он попытался реставрировать язычество, собрав вне княжеского терема в Киеве, рядом с Перуном и Даждьбогом, идолов многих завоеванных областей. В этих мероприятиях великого князя видна была продуманная идея укрепления Древнерусской державы, политика возвышения авторитета ее повелителя. Не достигнув успеха в попытке обновить значение язычества в Киевской Руси, величайшей среди всех раннесредневековых государств, князь Владимир объективным развитием вещей, когда Киевскую Русь уже «окружило» христианство соседних государств, приходит к мысли принять Христову веру самому и привести к ней народ своего государства.

Как мы видели, уже с IX в. христианство было хорошо известно на Руси из Византии, а потом из Болгарии и других славянских земель, где проповедовали Евангелие святые братья Кирилл и Мефодий. Вместе с новой государственной верой великий князь желал принести на Русь знания, образование и искусство именно из Византии, страны самой высокой культуры того времени. «Несомненно, что Русь многим обязана византийской культуре. Но, присматриваясь к этому процессу, мы видим, как смело русская культура берет новое, как на опыте иных народов усваивается то, что двигает вперед, что обогащает ее, содействует ее росту и соответствует потребности и уровню развития русского общества. И не случайно, что в своем культурном строительстве Киевское государство обращается к культуре Византии, самой передовой страны европейского средневековья, к наиболее сложным и высоким «образцам». Эта культура была «по росту» русскому народу и соответствовала высоким запросам его развития»[16]. Не к латинско-немецкому Западу, а к православно-византийскому Востоку обращалась Древняя Русь.

К этому источнику обращались и представители западных народов, в частности варяги, бывавшие в Константинополе или служившие в дружине киевского князя. Католические историки (Н. Баумгартен, М. Жюжи) даже такие случаи старались использовать для того, чтобы доказывать западное, римское, происхождение христианства на Руси. Име-

ем в виду, в частности, скандинавскую сагу на исландском языке об Олафе Триггвасоне, который впоследствии был норвежским королем. Его мать Астрида, спасаясь от дворцового переворота, убежала в Гардарикию, «страну градов», как в Скандинавии называли Русь, где брат ее Сигурд служит у конунга (князя) Вальдамара. Олаф растет, как любимый приемный сын. Потом он был у князя Владимира начальником военного отряда, посылаемого на охрану границ Руси[17]. Среди своих похождений Олаф переживает моральный кризис, который впоследствии в Константинополе приводит его от язычества к греческой вере и крещению. Олафа обучают выдающиеся христианские учителя.

Словесная ткань саги вполне соответствует исторической действительности. Норвежский король Олаф (993—995) крестился в Константинополе сам и, возвратившись на родину, крестил свой народ, который называл его святым. Говорить о западных, римских, влияниях Олафа на князя Владимира и на распространение христианства в Киеве нет никаких оснований. Христианство здесь было уже достаточно широко известно и упорядочено, а в Скандинавии оно делало едва первые шаги. Немало киевлян исповедовали ту же греческую веру и молились по греческому обряду, в котором познал Христа норвежский король Олаф Триггвасон. Сам князь Владимир внутренне уже готов был принять веру Христову и крестился, вероятно в 987 г., в Василеве.

Хотя сведения исландской саги не находят подтверждения в наших памятниках того времени, католические историки (Н. Баумгартен и М. Жюжи) в 1920—1930 гг. создавали целую теорию Крещения Руси через Олафа Триггвасона по латинскому обряду. Однако на Западе другие историки, даже норманисты, отвергают эти домыслы как необоснованные. В частности, датский историк Стандер-Петерсон, ссылаясь на скандинавские источники, приходит к заключению, что «вся теория об участии короля Олафа Триггвасона в обращении Руси, вероятно, просто «ученая конструкция», построенная на неправильно понятой традиции». Что касается версии Баумгартена о западнолатинских корнях христианства, будто бы принесенного на Русь Олафом, то Стандер-Петерсон ее решительно отвергает[18].

В то же время с пристальнейшим вниманием в Риме относились тогда к событиям на Руси, пытаясь при удобных обстоятельствах взять распространение христианства на Руси в свои руки. Именно так, вероятно, можно объяснить ряд посольств из Рима на Русь в конце X ст. Летопись под 988 г. сообщает, что к князю Владимиру с мощами св. Климента Римского пришли послы от папы. Князь, овладев Корсунью и вступив в брак с царевной Анной, в Корсуни, вероятно, вел переговоры с греками относительно каноническо-иерархического устроения Русской Церкви. Послы папы Иоанна XV, возможно, имели поручение отвлечь князя от церковного союза с греками и склонить его на свою сторону. Возвратившись в Киев, Владимир взял с собой мощи св. Климента и положил их в церкви его имени[19].

Римское посольство 988 г. к Владимиру в Корсуни не имело успеха. Но, несмотря на это, делались еще новые попытки добиться понимания и достичь успеха на Руси: к князю Владимиру прибывали еще посольства от папы Иоанна XV (991) и от папы Сильвестра II (1000). Первое посольство сопровождали послы от королей польского и чешского, а с

другим к Владимиру прибыли послы от королей чешского и венгерского. Принимая во внимание летописное сообщение, что «Владимир жил в мире с соседними князьями — с Болеславом польским, Стефаном венгерским и Андрихом чешским», можно допускать, что соседние правители, недавно подчинившись Риму, очень желали угодить ему, расположив к покорности Риму Киевскую Русь.

Однако этого не случилось. Сохраняя добрые отношения и связи с соседними западными странами, мудрый князь Владимир проводил свою собственную политику и предпочитал оставаться верным союзу с Византией, через единение с православной славянской Охридской архиепископией в Болгарии. Разделения Церквей еще не было. На посольства из Рима князь Владимир отвечал и направлял к папе своих послов, однако не подавал никаких оснований ревностным католикам и униатам создавать выдуманную ими иллюзию давней канонической зависимости Руси от Рима.

В конце X ст. польский князь Мешко принял католичество, в 1000 г. основана была наиболее выдвинутая на восток латинская архиепископия в Гнезно, а в 1001 г. католическая архиепископия возникла в Венгрии в Гране (Естергоме) после того, как князь Стефан, перед тем православный, покорился Риму и получил оттуда королевскую корону, как «верный сын Римской Церкви». Все это было знаком дальнейшего продвижения римской курии на европейский восток.

При таких обстоятельствах в столице Киевской Руси происходят события, свидетельствующие о неослабном желании латинского Запада, уже после крещения Руси, найти для себя место на ее просторах. Об этих событиях говорит немецкая «Хроника» Титмара, епископа Мерзебургского, без указания времени. Из хроники узнаем, что с дочерью польского короля Болеслава Храброго, супругой сына князя Владимира Святополка, в Киев прибыл, сопровождая княжну, как ее советник и духовник, епископ Колобрежский Рейнберн. Он стал приятелем Святополка и, по совету Болеслава, начал подговаривать Святополка готовить восстание против отца — князя Владимира. Успех восстания пошел бы на пользу как самого Болеслава польского, так и Западной Церкви, потому что с помощью Святополка, возможно, удалось бы отдалить Русь от православного Востока и присоединить ее к Римской Церкви. Владимир узнал об этих враждебных заговорах и подверг Святополка с женой и советником ее заточению[20].

Выяснилось, что уже сам брак Святополка с дочерью Болеслава таил в себе планы окатоличивания Руси, начиная с княжеской семьи. Эти планы и указания князя Болеслава старался осуществить Рейнберн, епископ. Его деятельность в Киеве явно не имела ничего общего с религиозными мотивами князя Владимира и решительно противоречила всей системе его политических и церковных планов.

После разоблачения заговора Рейнберна и естественного обострения отношений Болеслава с князем Владимиром Болеслав заключил мир с германским королем Генрихом II, развернул свое войско на восток и летом 1013 г. ворвался на землю Киевского государства, призвав к нападению с юга на Русь печенегов. Не достигнув ожидаемых успехов, Болеслав вынужден был заключить с князем Владимиром договор о мире и дружбе.

Но непрочным и недолгим был этот мир: в 1015 г. умер, оплакиваемый народом, креститель Русской Земли князь Владимир. Между его сыновьями возникла борьба за киевский «стол», которую начал Святополк. Помогая своему зятю, в борьбу с князем Новгородским Ярославом опять охотно включился польский король Болеслав Храбрый, надеясь на сей раз осуществить планы, порученные когда-то Рейнберну. Болеслав и Святополк в 1018 г. разбили войско Ярослава и овладели Киевом. «Изобью всю братию мою и прийму власть русскую един», — говорил Святополк, которому народ дал прозвище «Окаянный». Захватив Киев, Болеслав не ограничивал себя и свое войско в грабежах и насилиях. Титмар, между прочим, отмечает, что вдова старого князя Владимира и девять его дочерей были брошены в узилище. Но недолго терпели киевляне своеволие враждебного войска, в котором, кроме поляков, были наемные отряды немцев и венгров. Возмущенные киевляне начали их «тайно» уничтожать. Опасаясь взрыва народной ненависти, Болеслав, захватив богатую добычу, поспешил покинуть Киев. Так закончилась попытка перенести на Киевскую Русь, после ликвидации Кирилло-Мефодиевской Церкви, западнолатинские «начала».

Не выпала Киевская Русь из-под внимательного взгляда делегатов Рима и в печальные события 1053—1054 гг., когда произошло разделение до того единой Церкви на Римско-Западную и Восточную Православную. Лев X, которого называли «немецким папой», посылал своих делегатов в Константинополь не для выяснения догматов веры или благочестивых христианских обычаев, а для подтверждения своих прав на захваченные норманнами южноитальянские владения, некогда принадлежавшие, кстати, патриарху византийскому, но уже присвоенные Римом и латинизированные; для признания за папским престолом права на все, упомянутое в так называемом «Дарении Константина», поддельном документе, известном с первой половины IX ст., отвергнутом в XV ст., хотя в защиту его на Западе выступали еще в XVI и XVII веках. Это была почва, на которой выросло в половине XI ст. папство, требуя признания полноты своей власти во всем христианском мире.

Переговоры папских представителей с патриархом Михаилом Керулларием завершились 16 июня 1054 г. тем, что кардинал Гумберт во время богослужения в константинопольской Софии положил на престол грамоту с отлучением от Церкви патриарха и всех иерархов, ему подвластных. Сразу же после этого римская делегация покинула Константинополь. Император Константин IX Мономах, пожелавши иметь точный текст этой римской грамоты, послал за делегатами своих людей, и они получили «наивернейший список ее из города русских», как об этом сообщает западный церковный историк Цезарь Бароний в своих Анналах (т. XVII, § 20—21). Такую дорогу в Рим через Русь кардинал Гумберт избрал не из какой-либо причуды, а для того, чтобы первым уведомить русичей о разрыве Рима с греками, склонить русских на свою сторону. Это явно свидетельствует о том, как высоко ценили в Риме значение Руси, настойчиво желали приобрести Русь для латинского мира.

Никаких «змагань», как выражаются униатские авторы, к «послушанию» Руси Риму, покорности ему, как мы видели, в древней Руси не было. В ней сложилась сильная княжеская власть, получившая призна-

ние не только в русских землях, но и в иных странах. Этим можно пояснить то, что современные византийские источники именуют князя Владимира «василевсом», а в Константинополе тогда отказывали в этом императору Карлу Великому, не говоря уже о более поздних германских императорах.

Послы из Рима приходили на Русь, а из Киева посольства отправлялись только в ответ на римские посещения, когда подавались прошения о разрешении на проповедь, на построение храмов для зарубежных купцов и т. д.

В эти годы источники дают сведения о многочисленных брачных союзах с соседними католическими дворами по политическим соображениям. Польский князь Казимир II был женат на Марии, сестре Ярослава — отца князя Изяслава, супругой которого была сестра Казимира II. Опасность этих связей ясно выявилась на жизни и деятельности князя Изяслава Ярославича.

На смертном одре великий князь Ярослав Мудрый († 1054) завещал пятерым своим сыновьям слушаться старшего брата своего Изяслава, хранить взаимное единство, «ибо иначе сгинете сами и загубите землю отцов и дедов своих, которые приобрели ее трудом великим».

В 1068 г. случилось большое нападение на Русь половцев. Когда трое старших и наиболее сильных князей — Изяслав, Святослав и Всеволод, собравши ополчение, выступили против врагов, степняки разбили князей на реке Альте. Остатки ополчения с князьями Изяславом и Всеволодом возвратились в Киев, а Святослав пошел к себе в Чернигов.

Недовольный поражением, городской люд в Киеве на вече требовал от Изяслава коней и оружия, чтобы выступить против половцев. Князь отказался продолжать борьбу. В городе вспыхнуло восстание: часть народа освободила из заточения полоцкого князя Всеслава и провозгласила его киевским князем. Изяслав убежал из Киева искать помощи у польского короля Болеслава Смелого.

Освобожденный киевлянами князь Всеслав, улучив удобное время, бежал из Киева к себе в Полоцк. Впоследствии Изяслав с Болеславом во главе большого войска двинулись на Русь и, не встречая сопротивления, вошли в Киев, вернувши с дороги назад часть своих отрядов, а потом «вернулся в Ляхи Болеслав, в землю свою».

Прежнее согласие трех старших братьев Ярославичей, позволявшее им полезно влиять на положение Киевского государства, постепенно теряло свое единодушие. Среди иных причин изгнания Изяслава из Киева для Святослава и Всеслава, действительно изгнавших Изяслава из Киева, немаловажными были чуждое и враждебное народу не только полонофильство Изяслава, но и его склонность к католичеству. Об этом выразительно свидетельствует «Слово о вере крестьянской и о латинской», в котором автор, преподобный Феодосий Печерский, укоряет князя Изяслава за его ориентацию на латинян-поляков.

«А ты, чадо, — писал преподобный Феодосий Изяславу, — стерегись кривоверных и всех словес их, понеже исполнилась наша земля этой злой веры. Не подобает же, чадо, хвалити чужую веру, аще кто хвалит чужую веру, то обретается свою веру хуля. А ты, чадо, стерегись их и свою веру непрестанно хвали, не свойся к ним, но бегай их и подвизайся

в своей вере добрыми делами». Тут же Феодосий советует «блюсти своих дочерей, не поимати от них, латынян, и своих не давати им».

Какому именно Феодосию принадлежит это послание — Феодосию Печерскому (XI в.) или Феодосию Греку (XII в.), долго не было согласия. Е. Е. Голубинский, А. А. Шахматов, А. И. Яцимирский приписывали его Феодосию Греку. А. И. Шевырев, митрополит Макарий — Феодосию Печерскому. Исследования последнего времени приписывают авторство этого послания Печерскому игумену Феодосию [21].

Наряду с посланием игумена Феодосия тогда же и, вероятно, по тому же поводу, появляется на Руси «Стязание с латиною» киевского митрополита Георгия (1052—1079) [22]. Кроме церковных моментов, в этом труде выясняется связь латинского Запада с германской империей.

Не оставил без своего внимания Киевскую Русь и антипапа Климент III, который волей императора Генриха IV на Брешианском соборе 1080 г. стал из епископа Равеннского папой. Ему, несомненно, очень важно было получить на Руси признание духовным главой Западной Церкви. Поэтому папа Климент III совсем не вспоминает о подчинении Риму в своем послании, а ставит только вопрос о воссоединении Церквей. Ответом на обращение папы Климента было послание «К архиепископу Римскому от Иоанна, митрополита Русского, об опресноках». Послание написано в рамках греко-русской полемики, характерной для этой литературы XI столетия. Митрополит Иоанн широко использует указания патриарха Фотия в его Окружном послании антиохийскому патриарху на ошибки Римской Церкви. А относительно главного вопроса, поставленного Климентом III, о воссоединении Церквей, митрополит Иоанн советовал папе обращаться к патриарху Константинопольскому и собору при нем. Наблюдая обстоятельства и обычай того времени, митрополит Иоанн восстает против обычая выдавать княжеских дочерей в чужие страны, где служат на опресноках, то есть в страны католические.

Возвратившись в Киев с помощью польского короля, Изяслав никак не мог наладить отношений со своими братьями, да и киевляне не могли забыть князю его коварства и жестокой с ними расправы в 1073 году. Князья Святослав и Всеволод заставили в конце концов Изяслава вторично оставить Киев. Изяслав опять отправился к Болеславу II Смелому, на этот раз «со именнем многим», понимая, что возвратиться в Киев будет нелегко.

Действительно, Болеслав II отказался помогать Изяславу, так как сам собирался в поход на Чехию. В этом его поддержал князь Святослав Черниговский, вероятно, в благодарность за отказ помогать Изяславу. Последний тогда отправился в Майнц к врагу Болеслава Смелого, германскому императору Генриху IV, бывшему во враждебных отношениях с папой Григорием VII. Получив, как сообщают немецкие летописцы, неслыханно богатые дары, Генрих IV всего лишь отправил в Киев посольство во главе с Бурхардом, братом Оды, жены князя Святослава, с требованием «прекратить несправедливости» против князя Изяслава. Никаких последствий это посольство не имело.

Да и сам Изяслав, разобравшись в действительном положении вещей, весной того же 1075 года посылает своего сына Ярополка в Рим искать помощи отцу у папы Григория VII, врага императора Генри-

ха IV. Надеясь распространить свою власть на Русь, папа в послании от 17 апреля 1075 г. писал князю Изяславу (в крещении Дмитрию) и его супруге: «Сын ваш, посетив град апостольский, пришел к нам и, желая из рук наших получить королевство в дар от св. Петра, проявил надлежащую верность тому же блаженному Петру, князю апостолов... Мы согласились на просьбу и обещание сына вашего, показавшиеся нам справедливыми, как потому, что их дано с вашего согласия и по искренности просителя, и передали ему кормило правления над вашим королевством от имени блаженного Петра с тем намерением и пожеланием, чтобы святой Петр своим заступлением перед Богом охранял вас и ваше царство, и все ваши блага, и содействовал вам до конца жизни вашей иметь царство ваше во всяком покое, чести и славе» [23].

Итак, Рим непременным условием своей помощи Изяславу в его мытарствах выдвигал принятие римской веры самим князем и, с его помощью, всей Русью. Навряд ли ожидал и желал этого сам Изяслав. Весной 1076 г. умер князь Святослав, сидевший в Киеве. Изяслав получил возможность вернуться и сесть на киевском «столе».

После папы Григория VII (1073—1085) внимание руководства Западной Церкви к Руси не уменьшается, чему, несомненно, способствовало общение представителей разных народов и стран с Русью, которая в западноевропейских источниках XI—XII вв. всякий раз называется «богатой, могучей, великой». В начале XII ст. Рим возобновляет попытку подчинить Восточную Церковь. В ноябре 1112 г. папа Пасхалий II посылает византийскому императору Алексию Комнену большое послание, призывая к единению Церквей на основе признания православным Востоком примата римского престола и подчинения ему всех Церквей. Вероятно, в связи с этим папским обращением киевский митрополит Никифор (1104—1121) написал «Послание к великому князю Владимиру, сыну Всеволода, сына Ярослава», излагая в 20 пунктах причину разделения Церквей. Великий князь желал быть хорошо подготовленным к возможным переговорам по этому вопросу.

Новое проявление наступательного интереса к Руси среди руководящих деятелей Западной Церкви наблюдается под конец первой половины XII в.

На вопрос самого выдающегося ревнителя католичества аббата Бернарда Клервоского о возможности распространения латинства на Руси краковский епископ Матвей писал ему: «Народ русский неисчислим своим множеством, подобен звездам; веры он православной, а установлений истинной (католической) религии не соблюдает» [24].

На Руси этот суровый проповедник Западной Церкви не появлялся, потому что на соборе в 1147 г. во Франкфурте именно он призывал «уничтожить либо народ славянский, либо его веру». Тогда немецкие крестоносцы действительно уничтожили вендов, славянский народ на землях между Лабой (Эльбой) и Одрой (Одером).

С половины XII в. наши источники уже начинают сообщать о пребывании на веротерпимой Руси латинского духовенства и о существовании католических храмов на западе и юге Киевской державы. Говоря о набеге половцев на Переяслав в 1154 г., летописец вспоминает, что тогда сгорела «лядская божница» [25]. Великий князь Ярослав Изяславич в 1173 г. подверг заключению, а иных изгнал, латинских аббатов, свя-

щенников, монахов и всех латинян вообще, проживавших в Киеве. Причина этих распоряжений не имела религиозного характера, да и польский историк Длугош, писавший об этом уже в XV в., известен своим нерасположением к Руси. Другие источники об этих событиях в Киеве совсем не говорят. Итак, известно только то, что в Киеве в упомянутые годы проживали католики, которых и под 1175 г. Никоновская летопись называет «латиной»[26].

Если взаимоотношения латинского Запада с крещенной равноапостольным князем Владимиром Русью отличались в XII в. эпизодическими стараниями отдельных представителей католичества закрепиться в некоторых городах Киевского государства, то XIII в. был временем широкого, общего наступления на Русь латинского Запада. Эта борьба происходила под внимательным руководством римской курии, где распространение католичества на просторах Руси тесно связывали с борьбой католического Запада за религиозно-политическую власть над всем православным Востоком, начиная с Византии.

12—13 апреля 1204 г. многочисленные воинские отряды IV крестового похода, вместо борьбы за освобождение Святой Земли, после жестокого кровопролития овладели Константинополем и растеклись по Византии, убивали, грабили население городов и сел, разрушали храмы, издевались над православным духовенством и монашеством. Вскоре победители провозгласили основание Латинской империи, или Романии. Императором стал Балдуин Фландрский. Главой Церкви, патриархом Константинопольским был назначен венецианец Томаззо Морозини. Во всех храмах столицы и империи восточный обряд был заменен латинским, на епархии назначены были католические епископы, везде хозяйничали крестоносцы, преимущественно итальянцы и французы. Латинские патриархи заняли также кафедры в Александрии и Антиохии. Все это освящалось из Рима, где папа Иннокентий III (1198—1216) считал себя главой всего христианского мира. Если предшественники папы Иннокентия III называли себя наместниками апостола Петра, то Иннокентий III титуловал себя уже «наместником Христа», «наместником Бога».

В самой Византии «Латинская империя» владела только меньшей частью государства. Православное духовенство и народ относились к завоевателям и угнетателям с глубокой ненавистью. Ни духовенство, ни народ не принимали никаких призывов к унии или к воссоединению с Римской Церковью. Да и сами крестоносцы забыли о церковной десятине, которой они подчинялись дома, а здесь делиться награбленными богатствами с Римом не думали. В стране возникали местные восстания, в которых часто принимало участие и духовенство. Чтобы наладить обстановку, уже в 1204 г. была сделана попытка начать переговоры с греческим духовенством, однако она не удалась. От переговоров 1205 г. епископы и священники убегали на Никейскую часть Византии, не захваченную крестоносцами. Патриарх константинопольский Иоанн X нашел прибежище у царя Болгарского, а епископы ушли в Никею к Феодору Ласкарису, принявшему титул властителя Никейской империи в северо-восточной части Византии.

Переговоры, которые не раз возобновлялись (в разном составе участников) при дворе императора Феодора Ласкариса, желательных для

Рима результатов не давали, потому что греки решительно отвергали латинское требование признать всю полноту власти римского епископа над всей христианской Церковью.

Именно это провозглашалось в ноябре 1215 г. в Риме на IV Латеранском соборе. Там патриархи константинопольский, иерусалимский и антиохийский признавали над собой верховную власть папы. Но это были патриархи латинские, назначенные из Рима. Постановления собора должны были закрепить власть римского епископа над всей Восточной Церковью. Делалось это напрасно, потому что Никея оставалась неподвластной Риму, далеко от унии с ним. Духовенство и народ Византии не теряли надежды освободиться из-под неволи латинства и господства западных завоевателей-крестоносцев. В 1261 г. императору Михаилу VIII Палеологу удалось изгнать крестоносцев из Константинополя. «С падением Латинской империи завершился период иноземного господства над Византией — один из чернейших в ее истории»[27].

В то же время, имея надежду впоследствии утвердиться на необозримых просторах Руси, Латинский Запад в XIII ст. выступает вдохновителем и организатором «крестовых походов» на земли соседних народностей на северных и северо-западных рубежах Русской земли — зилов, ливов, летов, куронов, эстов и др. В дополнение к местным крестоносцам — немецким рыцарям, которые искали новых земель и добычи, в 1202 г. был создан новый военно-монашеский орден, которому папа Иннокентий III дал устав палестинского ордена «храмовников». Их назвали «меченосцами», потому что на белых плащах у них был нашит красный крест и меч. Ордену передавалась третья часть завоеванных земель. Жестоким в своих набегах на северо-западные русские земли был тевтонский орден «братьев Святой Марии», с которым слился орден меченосцев после разгрома его 22 сентября 1236 г. в битве под Шяуляй.

В 1227 году папа Григорий IX обращается «ко всем королям Руси», посылая им привет и добрые пожелания. В своей булле он писал: «Мы радуемся в Господе, услышав, что послы ваши, приходившие к многоуважаемому брату нашему, Моденскому епископу, легату апостольского престола, покорно просили его лично посетить вашу страну, ибо вы готовы принять здоровое учение и совсем отречься от всех ошибок, которые, как говорят, вы допустили из-за отсутствия проповедников, а за это Господь во гневе Своем против вас часто посылал на вас различные беды, и покарает еще больше, если вы не вернетесь со стези ошибок на дорогу правды. Поэтому, желая узнать от вас самих, действительно ли вы желаете иметь легата Римской Церкви, чтобы получить от него наставления в католической вере, без которой никто не может спастись, мы просим, молим и убеждаем всех вас сообщить нам письмами и через верных послов вашу искреннюю волю. А пока поддерживайте прочный мир с христианами Ливонии и Эстонии, не препятствуйте им распространять веру христианскую, чтобы вы не подпали в немилость Бога и апостольского престола, потому что он легко может, если пожелает, привести вас на месть, но вам лучше заслужить, в щедрости Божией, истинным послушанием и добровольной покорностью — милость и любовь обоих»[28].

Современные католические авторы охотно выставляют эту буллу как неопровержимое доказательство извечного католичества на Руси[29]. Со-

держание самой буллы полно противоречий. Папа с радостью говорит, что некие князья готовы отказаться от своих ошибочных верований, лично готовы принять католичество, а через несколько строк не верит этому и обращается к решительным угрозам. Вообще, булла эта не имела на Руси никаких последствий, и наши источники о ней совсем не говорят.

Историки Русской Церкви полагают, что в папской булле 1227 г. речь идет о князьях Северной Руси, но украинский униатский историк М. Чубатый старается доказать, что это были князья южные и допускает, что у Вильгельма, епископа Моденского, папского легата на рубежах Северо-Западной Руси, свои соображения могли дать повод для этой буллы: «Правдоподобно, что кто-то из князей вступил в сношение с папским легатом, и под этим скрывалась какая-то другая цель, нам близко неизвестная, например, старание Вильгельма получить себе право легации и на Русь, соперничество между легатом и местным епископом и т. д.»[30].

В 1238 г. в Стенби, резиденции датского короля Вольдемара II, были согласованы планы общего наступления католических отрядов на северном западе и севере. В наступлении на Новгород должны были принять участие датские крестоносцы из Эстонии, орденских отрядов из Ливонии и крестоносцы из Финляндии. Папа Григорий IX буллой от 9 декабря 1237 г. приказывал шведскому архиепископу и его епископам подготовить «крестовый поход» в Финляндии против «танастов и их близких соседей». Итак, в 1240 г. с севера наступали на Русь шведские отряды, с северного запада собирался ударить тевтонский орден.

Узнавши об опасности с севера, новгородский князь Александр Ярославич 15 июля 1240 г. нанес врагам на берегах Невы и Финского залива сокрушительный удар. «Останок же их, — торжествует летописец, — побеже посрамлени».

Тревогу вызывало положение дел на западе, где тевтонские отряды захватили Изборск и осадили Псков. Там изменники открыли врагам городские ворота. Потом немецкие части стали вторгаться и на новгородскую землю. Папа Григорий IX поручает датскому архиепископу проповедовать крестовый поход «на северных». После блестящей победы князя Александра Невского в Эстонии везде вспыхивали восстания против пришлых угнетателей. Крестоносцам никак не удавалось подавлять эти восстания. Из Рима 6 июля 1246 г. тогда призывают норвежского короля вместо крестового похода в Святую Землю присоединиться к крестовому походу «против язычников в землях соседних».

В начале 1241 г. новгородский князь Александр Невский, старательно подготовившись к борьбе с тевтонско-латинским нашествием, отважно выступил навстречу врагу. По дороге он неожиданно для крестоносцев освободил Псков и Изборск. Наказавши изменников и обеспечивши тылы, князь смело двинулся к рубежу захваченной крестоносцами земли. Здесь 5 апреля 1242 г. мужественно руководимые князем Александром русские войска сокрушительно разбили и потопили в Чудском озере мощно вооруженных воинов тевтонского ордена. Эта блестящая победа спасла Русь и соседние с ней народности от жестокого господства немецко-латинских угнетателей. В 1243 г. в Новгороде, куда прибыли послы тевтонского ордена, был подписан мирный договор. В нем немец-

ко-католические послы торжественно утвердили свой отказ от любых посягательств на землю Руси и дружественных с нею соседних народов и согласились на обмен пленными.

Прилагая огромные и непрестанные усилия, чтобы с помощью немецких феодалов закрепиться и усилить свое влияние на северных и северо-западных землях Руси, латинский Запад не прекращал своих усилий и в отношении Руси южной и юго-западной. В некоторых местах Руси уже поселились «латиняны», они строили свои храмы, где совершалось богослужение прибывающими с Запада католическими священниками. Западные страны укрепляют свои торговые связи с Галицкой Русью, которая посылала свои товары в Польшу, Венгрию, Чехию. Это содействовало значительному развитию Галицко-Волынской Руси в XII—XIII вв. В Галицкой Руси в начале XIII ст. крепко стал выдающийся, энергичный князь Роман Мстиславич. Когда он присоединил к своим владениям и Киев, ему уже принадлежал титул «великого князя». Участники IV крестового похода, завоевавши и разграбивши Константинополь, столицу мировой культуры и средоточие Восточной Церкви, в конце 1204 г. отдали город папе Иннокентию III. Он тогда же отрядил своих послов к Роману Мстиславичу. Как повествует летописец, послы настоятельно убеждали князя принять католичество, обещая, что тогда папа даст ему королевский титул и «отдаст ему под власть всю Русь». Летопись сообщает об этих уговорах: «...и услышав, как Роман победил венгров и поляков и покорил себе всю Русь, папа послал к нему своих послов, убеждая его принять латинскую веру, обещая ему города и королевский титул на Руси. Роман отклонил это письмо, а они настаивали на нем, не стыдясь, ласковыми словами». Тогда князь, по словам летописца, отвечая на речь посла о могуществе и богатстве папы, показал свой меч и сказал: «Таков ли Петров меч у папы? Если он имеет такой, то может давать города, но я, пока имею этот у бедра, не нуждаюсь иначе брать, как только кровью — по примеру отцов и дедов, расширивших и приумноживших землю Русскую»[31]. Униатский историк старается показать князя Романа весьма воспитанным католиком, однако польский историк Длугош, наоборот, называет Романа врагом католичества, даже влагает в его уста обещание «совсем уничтожить католическую веру в Польше».

Итак, великий князь Роман отверг предложенную ему унию. Как участник антипапской коалиции гегенштауфенов, Роман начал войну со сторонником папской коалиции гвельфов — малопольским краковским королем Лешком. Вскоре, в 1205 г., Роман Мстиславич под Завихостом был коварно убит, когда уже начались его переговоры с Лешком.

Папа Иннокентий, неотступно стараясь расширить свою власть на Русь, 7 октября 1207 г. опять изготовил послание к духовенству и мирянам Руси, настойчиво убеждая их «вернуться от своих ошибок на путь истинный, от которого они упрямо уклоняются». Потом он сообщает про отправление на Русь особого легата, кардинала, которому папа поручает «искоренять и уничтожать, возводить и создавать, что он найдет нужным». Кардиналу поручалось привести Русь в католичество и покорить ее Риму. «Хотя вы, — заключал в послании папа, — пока были удалены от груди вашей матери, как дети чужие, однако мы, по возло-

женной на нас, недостойных, от Бога пастырской обязанности просвещать народ Его, не можем заглушить в себе отцовские чувства и не заботиться о том, что следует, чтобы убеждениями и поучениями привести к порядку члены в соответствие с вашей главой. О, если бы вы пожелали учесть, понять, предвидеть до конца и, прогнав тьму из умов своих, вернулись с дороги неверной на путь праведный и покорились бы учительству того, кого Спаситель наш поставил главой и учителем всей Церкви!». Вспомнивши потом, что «апостол Петр был поставлен главой и учителем Церкви, и что Христос назвал его камнем, на котором созидается Церковь, и дал ему «ключи Царствия Небесного», автор послания переходит к главному утверждению,— что папы — преемники апостола Петра и что вне Римской Церкви спасение невозможно.

После 1204 г., когда латинский Запад овладел Константинополем, — средоточием Православия, папа находит еще новый аргумент. «Обратитесь к современности: вот теперь Греческая империя и Церковь почти вся вернулась к почитанию апостольского престола и смиренно принимает от него повеления и подчиняется приказу, — разве не будет несозвучным, если часть (Русская Церковь) не будет применяться к своему целому, и отделенное не будет в соответствии с общим». Считая, что подобные соображения не весьма убедительны для русских, папа переходит к угрозам. Он напоминает, что современное положение вещей на Востоке стало следствием жестокой борьбы, «пока греки были приведены к своему пастырю». Заканчивая послание, папа выражает уверенность, что русичи теперь поймут всю необходимость подчиняться папской власти и окажут великому и выдающемуся легату, снабженному всеми полномочиями, доверие и послушание, чтобы он смог «привести дочь к матери, заблудших овец в овчарню» [32].

Приведенное здесь послание сохраняется в ватиканском архиве и неизвестно, было ли оно направлено на Русь, потому что сведений о послании и пребывании на Руси папского легата Григория в наших источниках нет. Возможно, что это послание навсегда осталось только в архиве.

После смерти великого князя Романа Мстиславича вдове его, княгине Анне, с двумя малыми княжичами Даниилом и Васильком, чтобы обезопасить себя от походов черниговских князей, пришлось просить приюта у венгерского короля Андрея II, а потом она нашла убежище у малопольского короля Лешка. Чтоб укрепить свои надежды на территориальное приобретение, он пригласил к союзу в этой сделке венгерского короля Андрея II, послав к нему княжича Даниила. В 1214 г. венгерский король Андрей завладел Галицией и провозгласил королем ее своего пятилетнего сына Коломана. Чтобы обеспечить свой захват и получить для своего сына галицкую корону, Андрей подал Риму план ввести в Галиции поддерживаемую частью крупного боярства церковную унию. И оккупацию Галиции, и утверждение Коломана королем, и введение унии с Римской Церковью король Андрей представлял папе Иннокентию как единодушное желание вельмож и всего народа, который только просит оставить им прежний обряд.

Что ж произошло в действительности в Галиции? Воскресенская летопись говорит: «Король угорский посадил сына своего в Галиче, а епископа и попов прогнал из церкви и своих попов привел латинских

на службу». Так же и Никоновская летопись свидетельствует: «Того ж лета 6722 (1214) угорский король посадий сына своего в Галиче, и церкви претвори в латинскую службу»[33].

Оккупанты встретили жестокое сопротивление в народе, в стране разлились волны террора. Летом 1215 г., поспешая с войском в Галич, король Андрей писал папе: «Известно, что в последнее время народ Галиции, нарушив присягу верности, не только отказался от своего короля, но также, собравши войско от окрестных русинов, осадил крепость Галич, где находился наш сын, поэтому мы должны были немедленно отправиться в те края». Далее король очень просит папу ускорить коронацию Коломана, «...чтобы этим он приобрел расположение своих, а у соседей признание вечного права на престол своего королевства»[34].

В 1219 г. к Галичу прибыл новгородский князь Мстислав Удалой. На помощь ему устремилось все население Галиции, и вскоре она была вся очищена от захватчиков. С ними пропал след и первой унии, которую униатский историк назвал «исторической эфемеридой», потому что даже он справедливо утверждает, — «рождение и смерть ее приходится почти на тот же день...»[35], а в действительности существовала она только в планах творцов ее, враждебных народу.

Если во времена «первой унии» при папе Иннокентии III народу Галиции больно было наблюдать «обращение церквей в латинскую службу», то папа Григорий IX усвоение латинского обряда уже ставит обязательным условием унии. В послании от 18 июля 1231 г. он пишет неназванному князю на Руси: «...так как прусский епископ уведомил нас, что ты, христианский владетель, но придерживаешься греческих и русских обрядов и обычаев, как их соблюдают прочие в твоем царстве, и что ты пожелал оказать уважение и покорность апостольскому престолу и нам, мы, искренно желая спасения твоей душе и всякого тебе успеха, благополучия и чести, просим и умоляем в Господе твою светлость, чтоб ты благочестиво принял и придерживался обычаев и обрядов латинских христиан, покорив себя и все свое царство в любви ко Христу, милой власти Римской Церкви, матери всех верных, которые надеются иметь тебя в Церкви Божией как великого государя и любить тебя как избранного сына»[36].

В это время на Руси, даже в Киеве, начинается деятельность монашеского ордена братьев-проповедников или доминиканцев, утвержденного папой Гонорием III в 1216 г. Одна из групп этих проповедников высочайшей власти римских первосвященников над всем христианским миром, прибывших в Киев в 1222—1224 гг., получила согласие киевского князя Владимира Рюриковича на постройку в Копыревом конце Киева монастыря Пресвятой Девы Марии. Деятельность и проповедь доминиканцев в Киеве, вероятно, имела не религиозный, а враждебный Руси характер, потому что в 1233 г. князь Владимир Рюрикович изгнал доминиканцев из Киева, после чего они нашли себе пристанище в Галиче.

О причинах этого события в Киеве в источниках сведений нет; известно только, что оно встретило понимание и одобрение в народе. Ревнители унии пробуют объяснить изгнание доминиканцев влиянием «греческого духовенства и посланием константинопольского патриарха, который все еще находился в Никее, с тревогой наблюдая за успехами

доминиканцев»[37]. О направлении деятельности доминиканцев на Руси того времени можно догадываться из буллы папы Григория IX от 15 марта 1233 г., адресованной провинциалу ордена доминиканцев в Польше. Этой буллой разрешалось давать отпущение грехов поджигателям и убийцам клириков. «Папа пишет, возможно, на основании доклада, полученного от гнезненского архиепископа, который извещал о том, что на Русь под видом доминиканцев пришли из разных стран преступники — убийцы, грабители и т. п., что вызвало большое недовольство среди местных католиков; поэтому архиепископ считает необходимым основать отдельную епархию, которая сама взяла б в свои руки дело насаждения веры (католической) на Руси, и просит на это согласия курии»[38].

После татарского нашествия, когда князь Даниил Романович, побывавши у хана Батыя, стал «мирником» Золотой Орды, папская курия возобновила свои происки в юго-западной Руси. Князь Даниил, возвращаясь из Орды домой, где-то в степях между Доном и Днепром, далеко от Киева, в конце февраля 1246 г. встретился с папским дипломатом Плано де Карпини, который ехал к хану. Выехав из Лиона осенью 1245 г., Карпини побывал во Владимире Волынском и ознакомил князя Василька с буллой папы Иннокентия IV от 25 марта 1245 г., которой папа призвал всех князей сооружать укрепления на случай нового татарского нашествия. Карпини огласил еще собранным по его просьбе епископам и всем присутствовавшим послание папы Иннокентия IV. В нем он призывал «вернуться к единой святой Матери» — Римской Церкви. Ответа на это обращение папские послы не могли получить, потому что князь Даниил еще не возвратился из Орды.

Вернувшись в любимый свой город Холм, князь Даниил послал своих представителей в Лион; тем временем папа, получив от Карпини сведения об успехах его в Галицкой Руси, послал на Русь свою буллу. За один день, 3 мая 1246 г. из папской курии на Русь вышло шесть посланий: в трех из них папа брал Галицию и Волынь в «опеку» святого Петра; уведомлял, что послал на Русь двух доминиканцев Алексея и Георгия, приказавши им обратиться к русскому князю; еще в одной булле папа с удовольствием принимает к сведению желание русского короля вернуться к церковному единению и направляет архиепископа прусского Альберта (Суердера), как легата апостольского престола, искоренять «греческие ошибки», просит поддерживать легата в этом, а также помогать ему в татарских делах; отдельной буллой папа возлагает на архиепископа Альберта обязанность легата на Руси[39].

Альберт на Русь не приезжал, потому что пока дошла к нему папская булла, посольство князя Даниила Романовича в июне 1247 года, во главе с игуменом Григорием, уже выехало в Лион. Из дальнейших документов и событий можно догадываться, что русская сторона изъявляла желание князя Даниила не оттягивать организации борьбы с татарами и совсем не имела желания расставаться с «греческими ошибками», то есть с верой и восточным обрядом. В конце концов папская курия признала неприкосновенность греческого обряда православной литургии, а папа Иннокентий IV даже угрожал церковными карами тем, кто нарушал бы это правило. Папа приказывал своему легату Альберту

выехать на Русь, принять присягу от князей, бояр и духовенства на верность Римской Церкви, огласить на Руси акт унии[40].

Что приобрел князь Даниил в результате переговоров о подготовке унии с Римом? 27 августа 1247 года папа Иннокентий IV издает несколько булл. Распространением на земли Романовичей опеки римского престола в одной из них отменялись выдуманные претензии венгерских королей на Галицию; в других посланиях признавалось право Романовичей на те земли, на которые они когда-либо имели права; папа запрещал немецким рыцарям и членам других монашеских орденов селиться на землях галицких князей; еще в одной булле на имя «возлюбленного сына Даниила, светлейшего короля Руси», папа Иннокентий IV позволяет епископам и пресвитерам совершать литургию на квасном хлебе и придерживаться других обрядов, не противоречащих католической вере»[41].

Однако в том вопросе, который особенно беспокоил Даниила Романовича, — об организации борьбы с татаро-монголами есть только одна булла от 22 января 1248 года. В ней папа просит, убеждает князя Даниила уведомлять братьев Тевтонского ордена, если бы татары двинулись в поход. Такую же буллу Иннокентий IV послал и крестоносцам.

Подобные мероприятия для борьбы с татаро-монголами, естественно, реального значения не имели. Поэтому Даниил Романович около 1248 года, получивши от переговоров с курией реальные результаты, прекратил переговоры с нею. Об этом ясно говорит летописец. Когда Иннокентий IV, по заведенному им обычаю, прислал к князю Даниилу двух епископов с предложением принять от папы королевскую корону, князь Даниил отказался, говоря: «Рать татарская не перестает зло жить с нами, то как могу я принять венец без помощи твоей?» Князь не хотел ничем вызвать преждевременный срыв отношений с татарами.

В 1254 году, когда князь Даниил был в Кракове у князя Болеслава Стыдливого, опять с легатом Пруссии и Ливонии Опизо прибыли посланцы от папы с короной, князь еще раз отказался от встречи с ними, так как он был не в своей стране. Однако он-таки принял в следующем году корону, удовлетворяя просьбу матери, при уверениях легата Опизо, — «помощь будешь иметь от папы». Сделал это Даниил Романович в небольшом городке Дрогичине.

Убедившись, что помощи с Латинского Запада ожидать ничего, Даниил Романович совсем прекратил с ним переговоры, несмотря на укоры папы Александра IV. Кроме того, что годы крестовых походов уже, вероятно, миновали, папская курия воздерживалась от поддержки восточноевропейских стран в борьбе против татар, давая им возможность действовать свободнее. Этим латинские дипломаты оплачивали помощь монголов против «сарацин» на Ближнем Востоке[42]. Именно поэтому в Лионе не делали никаких шагов, чтобы оправдать надежды князя Даниила на помощь в борьбе против татар.

Не имея вообще твердых надежд на пользу от римского Запада, князь Даниил Романович с 1242 года все время имел при своем дворе «печатника», епископа Кирилла. Около 1246 г. князь направил его в Никею к патриарху Мануилу II на утверждение как митрополита Русской Церкви. Митрополит Кирилл III, не разделяя надежд на успех в

борьбе с татаро-монголами, склонялся к мирной политике великого князя Владимирского Александра Невского и в 1250 г. прибыл к нему.

Не получил князь Даниил Галицкий от латинской курии ожидаемой помощи для осуществления своих планов борьбы за освобождение Руси. Бесплодными были и надежды курии на утверждение своей власти на землях юго-западной Руси. В булле от 13 февраля 1257 года папа Александр IV жалуется, что князь Даниил не оправдал того, чего ждала от него Римская Церковь, и угрожал ему за непослушание церковными карами и «оружием верных»[43]. И действительно, 5 апреля 1257 года папа Александр IV уже поручает францисканскому монаху Варфоломею проповедовать крестовый поход в Чехии, Моравии, Польше и Австрии не только против литовцев и ятвягов, но и против «русских и прочих язычников и схизматиков».

Так исчезла вызванная татарским нашествием давняя попытка унии в Галицкой Руси. На жизни Православной Церкви в Галицко-Волынском княжестве она совсем не сказалась, потому что фактически не существовала. Взаимоотношения мира и согласия, установившиеся между Православной Церковью и государственной властью в Юго-Западной Руси до татарского нашествия и при кратковременном согласии князя Даниила на унию, ничем не нарушались. Незаметно уния пришла и, не оправдавши надежд, бесследно исчезла. Князь Даниил нападение татарского баскака Куремсы отбил, а на борьбу с Бурундаем, пришедшим на смену Куремсе, сил у него не хватило. Новый баскак включил Юго-Западную Русь в орбиту татаро-монгольского владения.

Однако, несмотря даже на тесные внешние связи с Западом, основы жизни православного народа Галиции и Волыни оставались незатронутыми: религия, законы, культура, литература (летописи, песни) и в дальнейшем оставались русскими. Сохранялась связь и с княжеством Владимиро-Суздальским. Этому содействовал митрополит Кирилл III. Князь Даниил Романович сознательно укреплял семейные и политические связи обеих частей Руси. Он был женат на дочери князя Мстислава Удалого, сестре матери Александра Невского; брат Даниила, князь Василько, женился на сестре князя Александра, а дочь Даниила Романовича стала супругой князя Андрея, брата Александра Невского[44].

Напрасно некоторые католические и униатские авторы старались доказать, будто послы папской курии посещали Золотую Орду только для того, чтобы убеждать татаро-монголов принять христианство и прекратить убийство христиан. Неправдивым является и такое утверждение, будто папские посольства к татарам имели целью оказать помощь русским князьям[45].

Известно, что посольства, направлявшиеся к татарам руководством Римской Церкви, старались укрепить связи ее с Ордой. Эти посольства прежде всего предлагали татарам принять католичество, когда же ханы от этого отказывались, папские послы просили передать Церковь на Руси под власть папы, либо хоть подчинить ему духовенство на Руси. Благодаря стараниям великого князя Александра Невского упомянутые действия латинских посольств были отвергнуты. Ордынские правители оставили положение Русской Церкви и духовенства ее таким, каким оно было раньше. Татары вообще освобождали от податей служителей всех религий, кроме иудейской.

Не обошла папская курия своим вниманием и князя Александра Невского, которому принадлежат великие заслуги перед Отечеством. 23 января 1248 года ему было направлено послание с убеждением «признать Римскую Церковь своей Матерью и оказывать покорность римскому первосвященнику и апостольскому престолу»[46]. Папа обещал князю Александру «среди прочих католических государей создать ему особое уважение и всегда прилагать необходимые старания для возвышения его славы».

В другом послании от 15 сентября 1248 года папа Иннокентий IV уже радуется, потому что легат сообщал ему, «что князь желает приблизиться к вратам рая». Однако эта радость не имела оснований. Князь Александр, возвратившись с братом Андреем из Орды на Русь, даже не принял папского легата, прибывшего «оформить унию». Напрасно и в 1252 году от папы посетили князя Александра два кардинала, которых папа прислал, «чтобы князь послушал учение наше». Князь со своими советниками описал все, что происходило от сотворения мира до VII Вселенского Собора, подчеркнувши: «Все это мы знаем хорошо, а от вас учения мы не принимаем»[47].

Следуя примеру своего отца, великий князь Александр «передавал много серебра и злата» в Орду на выкуп пленников. Когда в 1262 году возмущенный злоупотреблениями и насилием татарских податных откупщиков народ изгнал их из Ростова, Владимира, Суздаля и Переяславля, князь Александр в четвертый раз поспешил в Орду спасти народ перед ханом Берке. Он достиг удачи в хлопотах, но это было уже последним подвигом князя. Больным он выехал из Орды и в пути 14 ноября 1263 года скончался, «много потрудившись, — по словам летописи, — за землю Русскую, за Новгород и за Псков, за все великое княжество, отдавая жизнь свою и за православную веру»[48]. «Зашло солнце земли Русской», — такими словами уведомил о кончине князя Александра паству во Владимире митрополит Кирилл.

Вслед за князем Александром Невским в 1264 году закончил свой земной путь и другой выдающийся деятель Земли Русской — князь Даниил Галицкий, и был похоронен в Богородичном храме любимого князем города Холма. Только в 1246 году он вынужден был признать зависимость Галицко-Волынского княжества от татаро-монгольских ханов, но не оставлял своего намерения бороться против Золотой Орды. С этой целью князь Даниил вступил в сношение с западноевропейскими государствами и римским папой, пославшим князю королевскую корону. Князь принял ее только в 1253 году в Дрогичине на Северной Волыни, откуда Даниил Романович в 1238 году изгнал разгромленных им немецко-католических рыцарей. Но как только выяснилось, что надеяться на помощь от Рима в борьбе против татар нельзя, князь Даниил, как и князь Александр Невский, прекратил с ним все связи. Тогда там стали проповедовать крестовые походы против Руси и соседних с нею народностей.

Так завершились попытки Латинского Запада одновременно с Юго-Западной Русью привлечь к унии Русь Северо-Восточную. Эти попытки «встретили дипломатический и вооруженный отпор со стороны выдающихся государственных деятелей Руси тех времен — Александра Невского и Даниила Галицкого»[49].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Протоиерей Г. Флоровский.* Пути русского богословия. Париж, 1937, с. 1—2.
[2] *I. Marx.* Lehrbuch der Kirchengeschichte. Trier, 1929, S. 270.
[3] *Едвард Ліковский, Познанський епископ, суфраган.* Берестейська унія (1596). На українську мову за дозволом автора переклали Василь Кузьма і Осип Заторський. Жовква, 1916, с. 9.
[4] *Peter Werhun.* Geschichte der Union im Ostslawischen Raum.— Der christliche Osten. Geist und Gestalt. Regensburg, 1939, S. 313.
[5] *Як. Елпидинский.* Общая церковная история. Вып. первый. СПб., 1912, с. 36.
[6] *Erich Donnert.* Das Kiewer Rußland. Leipzig, 1983. S. 28.
[7] *М. В. Левченко.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 85.
[8] Всемирная история, т. III. М., 1957, с. 279.
[9] *Michael Tarniświli.* Die Una sancta vor der Trennung.— Der christliche Osten. Geist und Gestalt. Regensburg, 1939, S. 285.
[10] *Л. Дюшен.* Церковные автономии, отдельные Церкви. 1896, с. 40 (на франц. яз.).
[11] *Б. Я. Рамм.* Папство и Русь в X—XV веках. М.—Л., 1959, с. 31.
[12] *J. P. Migne.* Patrologiae cursus completus, series latina. t. 135, col. 997.
[13] «Православний вісник», 1984, № 10, с. 25.
[14] Полное собрание русских летописей, т. IX. СПб., 1862, с. 39.
[15] *Б. Я. Рамм.* Цит. соч., с. 38, прим. 41.
[16] История культуры Древней Руси, т. II. М., 1951, с. 514.
[17] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен. Кн. I, М., 1959, с. 233—234, прим. 365.
[18] *Б. Рамм.* Цит. соч., с. 41—42, прим. 43.
[19] Повесть временных лет, ч. 1. М.—Л., 1950, с. 80.
[20] *С. М. Соловьев.* Цит. соч., кн. 1, с. 196—197, прим. 273.
[21] *И. П. Еремин.* Из истории древнерусской публицистики XI в.— Труды отделения древней русской литературы АН СССР, т. II, М.—Л., 1935, с. 31—33.
[22] *А. Попов.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян [XI—XV вв.]. М., 1875, с. 81—91.
[23] Исторические памятники в России. Издал А. И. Тургенев. СПб., 1841, 1, 614, № 1955 у *Б. Рамма,* цит. соч., с. 67, прим. 108.
[24] Всемирная история, т. III. М., 1957, с. 466. *Б. Рамм.* Цит. соч., с. 76.
[25] Ипатьевская летопись. СПб., 1908, с. 328.
[26] Полное собрание русских летописей, т. IX. СПб., 1862, с. 248.
[27] Всемирная история, т. III. М., 1957, с. 418.
[28] *М.Чубатий.* Західна Україна і Рим у XIII в. у своїх змаганнях до церковної унії. Львів, 1917, с. 80—81.
[29] Эти взгляды приводятся, в частности, в предисловии к римскому изданию: Documenta pontificum romanorum historiam Ucrainae illustrantia, t. I—II. Roma, 1953.
[30] *М. Чубатий.* Цит. соч., с. 27—28.
[31] Летопись Кенигсбергская.— Русская историч. библ-ка. ч. 1. СПб., 1767, с. 300.
[32] *М. Чубатий.* Цит. соч., с. 76—77.
[33] Полное собрание русских летописей, т. X, с. 66.
[34] *М. Чубатий.* Цит. соч., с. 21—22.
[35] Там же, с. 25. [36] Там же, с. 28—29; 81—82. [37] Там же, с. 30—31.
[38] Там же, с. 82—83. *Б. Рамм.* Цит. соч., с. 129, прим. 146.
[39] *М. Чубатий.* Цит. соч., с. 87—90.
[40] *В. Р. Пашуто.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, с. 252—253.
[41] *М.Чубатий.* Цит. соч., с. 80—92.
[42] *Б. Рамм.* Цит. соч., с. 158, прим. 222.
[43] *М. Чубатий.* Цит. соч., с. 102—103.
[44] Історія Української РСР. Київ, 1953, с. 107.
[45] *В. Р. Пашуто.* Цит. соч., с. 275.
[46] Летопись Новгородская первая старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 305—306.
[47] *С. М. Соловьев.* Цит. соч., кн. II. М., 1960, с. 160.
[48] Там же, с. 160.
[49] Історія Української РСР, т. 1. Київ, 1953, с. 105.